

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Андрей Макарычев

**ЗАПАДНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ:
проблемы безопасности
и транснационального регионализма**

№ 8, 1999

Москва, 1999

© Carnegie Endowment for International Peace, 2000

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 103009 Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: (095) 935-8904.

Факс: (095) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги: <http://pubs.carnegie.ru>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по электронной почте или по вышеуказанному адресу.

Работа А.С. Макарычева «Западные рубежи России: проблемы безопасности и транснационального регионализма» продолжает в рамках данной серии цикл материалов, посвященных проблемам внешней политики и безопасности России и сопредельных государств. Работы этого цикла выходят под общей редакцией Дмитрия Тренина, сопредседателя программы «Внешняя политика и проблемы безопасности» Московского Центра Карнеги. В данной работе проанализированы различные формы взаимного соотношения процессов глобализации, транснационализации и регионализации на примере расширения евроатлантического политического пространства и формирования новых моделей приграничного сотрудничества на западных рубежах России.

Автор выражает признательность за помощь в получении исследовательских материалов и консультаций Институту передовых российских исследований им. Кеннана (США), где в мае—августе 1999 г. он проходил научную стажировку, одним из результатов которой стала настоящая статья.

Редактор Марина Павлова-Сильванская

Сведения об авторе:

Макарычев Андрей Станиславович — доктор исторических наук, доцент кафедры политологии Нижегородского государственного университета. Специалист по проблемам регионализма и федерализма. Соавтор коллективной монографии «Регион в составе федерации: политика, экономика, право» (Н. Новгород, 1999); автор монографии «Наука и власть» (Н. Новгород, 1994). Электронная почта: makarych@unn.ac.ru.

ISSN 1561-7874

В этой работе проанализированы различные формы взаимного соотношения процессов глобализации, транснационализации и регионализации на примере расширения евроатлантического политического пространства и формирования новых моделей приграничного сотрудничества на западных рубежах России. С точки зрения современных концепций регионализма и территориальности рассматриваю я и вопрос о политической, военной и экономической экспансии западных альянсов (прежде всего НАТО).

Мои основные тезисы таковы:

ряд событий последних лет, особенно военная акция НАТО против Югославии, изменили соотношение между глобализацией и регионализацией в современной системе международных отношений в пользу второго процесса;

военное усиление НАТО и выдвижение альянса на ведущие позиции в системе военно-стратегических координат свидетельствуют о преобладании геополитических соображений над геоэкономическими при решении конфликтных ситуаций. Одно из ярких проявлений этой тенденции — резкое обострение проблемы границ;

кризис в отношениях между Западом и Россией во многом объясняется неадекватными ожиданиями с обеих сторон, зародившимися в период перестройки. Если Россия с геополитических позиций довольно быстро определила свое новое отношение к Западу, то тот пребывает в интеллектуальной растерянности и не располагает конструктивными идеями, которыми мог бы руководствоваться в политике по отношению к России;

в ближайшие годы противоречия в отношениях между НАТО и Россией сильнее всего обострятся на северо-западном направлении — из-за укрепления контактов между НАТО и странами Балтии, а также споров вокруг статуса Калининградской области.

Глобальное в региональном, региональное в глобальном

Процессы, происходившие в международных отношениях с середины 90—х годов, отразили усложнившуюся взаимосвязь двух тенденций современного мирового развития — глобализации и регионализации. Их «векторы» подчас направлены в противоположные стороны, а порой накладываются друг на друга, отчего оказывается сложно осмыслить их динамику и баланс.

Многие современные общественно-политические проблемы (боснийская, косовская или чеченская) внетерриториальны в том смысле, что, во-первых, у них нет решений, ограниченных жесткими географическими рамками (на Кавказе и Балканах зоны даже незначительных конфликтов всегда могут быстро расширяться)¹, и, во-вторых, реальные центры принятия решений, от которых зависит разжигание или преодоление конфликтов, могут находиться далеко за пределами вовлеченной в конфликт территории.

Как отмечают исследователи, глобализация размывает «вестфальскую картографию», а с ней и четкие разграничительные линии между территориями². В качестве движущих сил этого процесса обычно называют:

глобализацию экономических трансакций (инвестиции, финансово-торговые проекты, создание новых видов занятости) под воздействием международных банков и транснациональных корпораций;

революцию в сфере коммуникационных технологий, приведшую к «сжатию времени и пространства»;

расширение сферы деятельности международных организаций (НАТО, ОБСЕ, МВФ, МБРР и пр.);

взаимозависимость государств при обеспечении военной безопасности;

трансграничный «экологический менеджмент», то есть контроль за загрязнением водоемов, территорий и за сохранением естественных природных ресурсов, находящихся на территориях соседних стран³.

«Одним из важнейших последствий воздействия этих процессов на государство стало ограничение его суверенитета вовне и внутри страны, — пишет московская исследовательница Э. Лебедева. — В том же направлении действует и тенденция к фрагментации внутригосударственного политико-правового пространства. Вместе с тем добровольное делегирование государством части его функций или прерогатив как международным организациям, так и субъектам (сообществам) внутри страны свидетельствует о делимости государственного суверенитета»⁴.

По мнению нижегородского политолога А.В. Дахина, «изменение границ в современном мире можно считать наиболее значимым признаком тектонической активности сил социального самоопределения, сепаратизма и глобализма... Подвижность границ традиционных «национальных государств» обусловлена в равной степени мотивами локального, внутреннего самоопределения регионов и мотивами глобального, планетарного... «переопределения» мирового порядка. Локальное самоопределение нередко оборачивается сепаратизмом, а глобальное «переопределение» — претензиями на монопольное мировое господство. И в том, и в другом случаях возникает агрессивное, разрушающее воздействие на традиционные структуры государственных границ. Его нельзя оценить однозначно положительно или отрицательно. Скажем, повышение прозрачности границ государств Европы, объединенных шенгенским соглашением, не идет ни в какое сравнение с прозрачностью границ между Беларусью и Литвой или между Россией и Украиной, либо с дискуссиями по вопросу объединения Северной и Южной Кореи»⁵.

В принципе, противоречия между глобализацией и регионализацией возникли не вчера. Новыми для второй половины нынешнего десятилетия стали содержание этих понятий и их взаимная сопряженность. До распада СССР глобализм как одну из тенденций развития западного мира сдерживала bipolarность времен холодной войны, и потому на практике он принимал географически ограниченные формы (например, концепция «трехстороннего сотрудничества» между США, Западной Европой и Японией). Советская же модель глобализма была крайне идеологизированной и экспансионистской. Когда противостояние двух сверхдержав прекратилось, глобализм получил новый и весьма мощный импульс.

Что касается регионализма, то коммунистические режимы в Восточной Европе и СССР были жестко структурированными сверху, централизованными политическими системами, что заведомо исключало саму постановку проблемы о внутренних региональных отличиях и идентичностях. Не удивительно, что после распада «мировой социалистической системы» значимость региональных проблем резко возросла.

Отличие «нового регионализма», присущего международным отношениям конца XX века, от «старого» можно вслед за шведским профессором Бьорном Хеттне представить в виде следующей таблицы⁶.

Старый регионализм	Новый регионализм
1. Существовал в условиях биполярности	1. Развивается как современная версия многополярности
2. Формировался в значительной мере «сверху», под контролем двух конкурирующих сверхдержав	2. Формируется «снизу» в том смысле, что процесс современной регионализации содержит элементы спонтанности и автономии его акторов
3. Носил протекционистский характер	3. Стремится к реализации идеи «открытого регионализма», совместимого с экономической взаимозависимостью
4. Как правило, четко ориентировался на решение либо экономических проблем, либо проблем безопасности	4. Более многомерен, так как включает в себя торговое-финансовое, экологическое, социально-политическое и иные измерения
5. Включал в себя исключительно отношения между суверенными государствами	5. Предполагает участие негосударственных и субнациональных акторов

Некоторые авторы называют усиление интереса к региональным проблемам в 90—е годы «второй волной» международного регионализма. Спад первой был вызван временным разочарованием в возможностях межрегиональной интеграции, в частности ростом «европессимизма», а также тем, что различные модели зон свободной торговли в странах Третьего мира пробуксовывали.

Складывающийся новый мировой порядок пока не нашел оптимального баланса между глобализацией и региональными проблемами. Трудности на этом пути вполне понятны: если глобализация снижает значимость географического фактора, то регионализация, наоборот, подчеркивает значимость границ и этнотерриториальных сообществ. «Территориальный инстинкт» продолжает играть огромную роль в деятельности государств. По мнению ряда российских исследователей, глобализация воспринимается как «вторжение какого-то внешнего фактора в сложившиеся внутренние структуры различных обществ... Российское сознание представляет глобальность как силу внешнюю и враждебную»⁷.

Симптоматично, что американский внешнеполитический истеблишмент стал воспринимать феномен глобализма не как взаимозависимость, а как тенденцию к универсализации американского понимания свободы и демократии. Именно в такой утилитарно-американизированной версии глобализм превратился в идейную подпорку военной акции США против Югославии (1999 год). Понимание глобализма как взаимной сопряженности сложнейших процессов, разворачивающихся в различных точках планеты, предполагает взвешенность, обдуманность и гуманизм; неосторожные же акции одной стороны могут обернуться против нее же самой.

Увлеченно говоря о якобы набирающем силу глобализме, американские политические и интеллектуальные лидеры часто де-факто подменяли понятия, ибо ни создание «трехсторонней» модели сотрудничества между США, Западной Европой и Японией, ни идеи атлантизма не могут служить доказательствами глобализации современных международно-политических процессов. Они лишь указывают на то, что политические элиты ограниченного числа наиболее экономически развитых и мощных в военном смысле государств, явно противопоставляющих себя остальному миру, склонны тесно координировать свои действия. К складыванию глобального сообщества или всемирного гражданского общества это не имеет никакого отношения. Понимание же глобализма как всемирного лидерства США, по сути, ставит крест на теории взаимозависимости, которую так долго отстаивали сами же американские эксперты. Даже угроза терроризма, с которой Россия

столкнулась на Северном Кавказе, не сблизила ее с США, а напротив, в очередной раз подчеркнула политическую пропасть между ними.

Итак, дилемма «глобализм—регионализм» — это своего рода интеллектуальный ребус, требующий интенсивного обсуждения. Отмахнуться от этого «ребуса» нельзя, так как он постоянно напоминает о себе: решение региональных проблем (типа акции НАТО в Косово) выходит в глобальной повестке дня на первый план, договоренности же, достигнутые на глобальном уровне, предусматривают привязку к определенным регионам (пример — программы Евросоюза для отдельных российских территорий).

«Конструируемая региональность»?

Разные научные школы, изучающие международные отношения, по-своему трактуют феномен современного регионализма. Реалисты считают международную систему изначально «анархичной», поскольку определяющую роль в ней играют эгоистические интересы государств. Различные формы регионализма могут быть следствием:

необходимости укрепить чьи-то геополитические позиции («имперская версия»);

попытки сбалансировать влияние конкурирующей державы («версия баланса сил»);

создания системы коллективных отношений для защиты общих экономических интересов («версия гегемонистской стабильности»).

Институционалисты полагают, что «анархию», о которой говорят реалисты, можно исправить с помощью сильных и эффективных институтов — каркаса различного рода региональных блоков и альянсов. Многие исследователи, принадлежащие к этой школе, объясняют формирование транснациональных регионов процессами, идущими внутри участвующих государств и между властями различных уровней (центральными, региональными и муниципальными).

Сторонники когнитивного подхода видят в регионализме вид социальной рефлексии, который отталкивается от преобладающих в данный момент (и способных меняться в ходе взаимного приспособления) представлений об идентичности и чувства территориальной общности. Распространенная в Западной Европе концепция «возникающего регионализма» (*emerging regionalism*) или «регионостроительства» (*region building*) представляет собой косвенную реакцию на когнитивный подход. В ряде случаев регионализм трактуют как «конструируемое» (иногда «воображаемое») явление, неотделимое от социально-политического контекста⁸. К примеру, слом старого биполярного мира спровоцировал такие новые формы регионализма, как Черноморское экономическое сотрудничество, Баренц-Евроарктический проект и др. К числу движущих сил регионализации причисляют не только государства, но и неправительственные структуры (экономические «группы интересов», общественные организации, политические партии и т.д.)⁹. К примеру, участники частных проектов прокладки нефтепроводов во многом определяют геоэкономическую ситуацию на северо-западных границах России¹⁰.

Находясь в рамках конструктивистской парадигмы, такой подход явно релятивирует понятие «регион», делает его гибким, «мягким», адаптируемым и поддающимся множеству интерпретаций. Политически, например, Косово можно отнести к Восточной Европе, географически же — к Южной; тут все зависит от контекста проблемы. Калининградская область — элемент Восточной Европы и формирующегося «Балтийского сообщества», но одновременно и составная часть России. Социально конструируемы и такие понятия, как «идентичность», «национальность», «гражданство», «региональная политическая культура» и многие другие.

Термин «регион» действительно трудно четко определить a priori. Так, Ульф Вибберг видит в регионе «политическую зону, где политика носит конкурентный характер; систему действий, в рамках которой решения принимают рынок, государство или гражданское общество; и актора, способного спроецировать региональный интерес, определяемый коалиционно, на международном уровне...»¹¹.

Регионализацию обычно определяют как комплексный процесс усиления в рамках определенной территории набора параметров взаимной зависимости, которую определяют в политических, экономических, социальных и культурных категориях. Этому процессу присущи субъективные характеристики. В каком-то смысле его можно сравнить с историей создания современных государств — при том, однако, важном отличии, что регионостроительство не предполагает наличия единого властного центра, а способно развиваться ненасильственным, консенсусным образом.

При этом следует иметь в виду, что среди появляющихся в мире новых регионов можно выделить две большие группы. Первая из них — так называемые однородные регионы, среди которых обнаруживаются три подтипа:

а) естественные регионы, чьи очертания определяют общие топографические, климатические и иные природные характеристики (Нордический регион);

б) регионы с сильно выраженным чувством общей культурно-исторической идентичности (Скандинавия);

в) экономически самодостаточные регионы с объединяющим их общим типом промышленного производства («Большая Волга»).

Вторая группа — так называемые функциональные регионы; их составные части изначально не обязательно похожи друг на друга. Создание функциональных регионов предполагает взаимодействие и интеграцию внутри них, чтобы в конечном итоге собираемые вместе территориальные компоненты оказывались взаимодополняемыми¹². Идентичность при этом — понятие гибкое и изменчивое, допускающее и использование во множественном числе (ряд специалистов даже считают, что взаимно пересекающиеся или накладывающиеся друг на друга идентичности цементируют региональное политическое сообщество, делая его менее конфликтным).

Упомянутый уже Хеттне пользуется термином «регион» для описания:

географической единицы, отделенной от других физическими рубежами («Европа от Атлантики до Урала», «Африка к югу от Сахары», «Индийский субконтинент»);

социально-политической системы, которая предполагает различные отношения между общественными группами, зависящими друг от друга в вопросах общей стабильности и безопасности. При этом внутри региона должен существовать силовой баланс между различными политическими «полюсами» (Западная Европа конца XIX - начала XX века);

организованной (формализованной) модели («сети») сотрудничества в военной, экономической, политической, культурной и иных областях;

особого состояния расположенного на некой территории гражданского общества, для которого характерны тесная внутренняя коммуникация, а также конвергенция ценностей и культурных традиций;

действующего субъекта международной политики, который обладает отчетливым своеобразием, потенциалом, необходимым для активной деятельности, легитимностью, структурами принятия решений, особенно в таких областях, как урегулирование конфликтов и поддержание социальных

гарантий. В этом смысле регион может эволюционировать в направлении создания «региона-государства» либо наднационального «сообщества безопасности» (Европейский Союз).

Формирование регионов требует серьезной интеллектуальной работы. Именно поэтому 90-е годы ознаменовались огромным числом международных исследовательских проектов, конференций и публикаций по различным аспектам регионализма. Интеллектуальными «локомотивами» многих инициатив в этой области становятся так называемые транснациональные эпистемологические сообщества (epistemic communities), состоящие из ученых, экспертов, специалистов в области регионализма, политических советников и профессиональных консультантов. Однако в любом случае региональное строительство определяют не столько воображение и творческий потенциал его субъектов, сколько вполне прагматические обстоятельства.

Трансрегиональная интеграция

Своеобразный компромисс между регионализацией и глобализацией представляют собой попытки воплотить в жизнь модели транснациональных регионов, расположенных на приграничных территориях двух и более государств. Трансрегиональная интеграция может быть плодом совместных усилий государств, межгосударственных коалиций, инициатив в вопросах приграничного сотрудничества, транснационального регионостроительства и т.д.¹³

Современный регионализм, понимаемый как комплексный социально-политический и экономический феномен, транснационален по своему характеру. Природа регионализма интегративна, поскольку субнациональные единицы, которым по разным причинам становится тесно в составе современных наций-государств, так или иначе начинают искать себе место в более широком геополитическом и геоэкономическом контексте. Эти единицы по-новому фиксируют свои отношения с «материнским» государством и одновременно входят в более сложные отношения с соседними территориями. Новая георегиональная картина мира представляет собой комбинацию транснациональных альянсов разной степени сплоченности и формализации, что, с одной стороны, затрудняет изучение этого относительно нового явления, а с другой — делает его анализ интригующе интересным.

Современные формы трансрегиональной интеграции в Европе (Баренц-Евроарктический Совет, Совет Балтийских государств и др.) экспериментальны в том смысле, что сам состав их участников свидетельствует о стремлении преодолеть разделительные линии между Востоком и Западом. Они пытаются наладить «горизонтальное» сотрудничество между странами — членами НАТО, кандидатами в этот блок, нейтральными государствами и бывшими советскими республиками. Так, проект «Северное измерение», задуманный правительством Финляндии, охватывает обширную географическую зону от Исландии на западе до северо-запада России (Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Ненецкий автономный округ и Санкт-Петербург), от Норвежского, Баренцева и Карского морей на севере до южного побережья Балтийского моря¹⁴. Россия настаивает на подключении к этому проекту Белоруссии.

Западноевропейские партнеры, как правило, рассматривают новые модели трансрегиональной интеграции как способ нащупать оптимальное «разделение труда» в Старом Свете¹⁵. Такого рода интеграцию они преподносят, с одной стороны, как дополнение к расширению НАТО и ЕС, а с другой — как некий компромисс при обсуждении перспектив расширения этих альянсов на Восток¹⁶. Одновременно скандинавские страны (в частности Финляндия), признавая растущую зависимость от энергетического импорта, не скрывают своего интереса к разработке запасов нефти,

природного газа, минерального сырья и природных ресурсов на территории близлежащих субъектов Российской Федерации¹⁷.

Для российской же стороны интерес к новым формам трансрегиональной интеграции между ЕС, Северо-Западом РФ и балтийским регионом связан с тем, что «шенгенский режим с его фактическим ограничением потока приграничного туризма и торговли не может не усилить в России ощущение изоляции... Наибольшие проблемы создают эти ограничения для приграничных зон, поскольку ухудшают положение и без того структурно слабых регионов, затрудняя приграничные торговые связи»¹⁸. К примеру, десинхронизация балтийских электросетей от российских — вопрос практически решенный.

Здесь мы сталкиваемся по крайней мере с двумя концептуальными проблемами. Во-первых, идея «регионостроительства» предполагает формирование новой идентичности, основанной на представлении о естественном характере связей между составными частями нового региона. Но, по словам В. Тишкова, «идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Причем борьба не только политическая. Она идет в сфере науки и религии, в области языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений и т.д.»¹⁹. Поэтому перспективы возникновения, скажем, «балтийской идентичности» кажутся Тишкову весьма проблематичными: «страны Балтии, полагаящие себя частью Северной (Латвия, Эстония) или Центральной (Литва) Европы, считают себя цивилизационно отличными от России» и поэтому инстинктивно обособляются по отношению ко всему восточному²⁰.

Во-вторых, трансрегионализация бросает вызов российской государственности, поскольку возникающая система «многоуровневых политических лояльностей» испытывает Российскую Федерацию на прочность. Так, Дальний Восток экономически тяготеет к динамично развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)²¹, Северо-Запад — к Балтии и Скандинавии, а Юг — к Черноморскому региону.

Помимо концептуальных проблем у трансграничных моделей сотрудничества возникает и множество практических. Таможенные и налоговые препоны часто сводят на нет усилия предпринимателей. Отрицательно сказывается нерешенность вопросов, связанных с защитой интеллектуальной собственности, борьбой против пиратского производства и практики выписки двойных счетов при ввозе товаров в Россию. Для нее остро стоит проблема стандартизации и сертификации продукции отечественных предприятий²². Для западной стороны — слабая координация различных программ трансрегионального сотрудничества.

Границы как георегиональная проблема

В рамках транснациональной парадигмы по-новому встает вопрос о границах. Тот факт, что в российском политическом дискурсе она выдвинулась на одно из ведущих мест, опровергает два надуманных тезиса. Первый из них касается некой «аспатиальности» (или «внепространственности») российского восприятия территориальности и регионализма. Л. Смирнягин, часто пропагандирующий эту идею, утверждает, будто русская культура (в широком смысле этого слова) слабо знакома с географической границей и чувством географического места вообще: «Равнодушие к месту перетекает у русских в равнодушие к границам»²³.

Согласиться с тем, что русская нация якобы слабо реагирует на такие географические категории, как расстояние, граница и место, трудно. Если бы это действительно было так, значительная часть

русских не воспринимала бы Кавказ как чужую территорию, неорганичную для российского политического пространства. В этом смысле граница России со странами Балтии — демаркационная линия (не только в юридическом, но и в политическом и культурном смыслах), фиксирующая разделение на «наших» и «не наших», хотя с последними мы долгое время жили в составе единого государства. Думаю, на низовом уровне российские политические сообщества вполне адекватно реагируют на угрозы своему пространственному существованию и демонстрируют не меньшую привязанность к своей территории, чем на Западе.

Второй тезис формулируют некоторые зарубежные специалисты: мол, границы «больше не являются ключевым атрибутом современной международной системы»²⁴. На мой взгляд, это не соответствует действительности, ибо в основе подавляющего большинства современных международных конфликтов лежат споры за обладание территорией и связанными с ней материальными, минерально-сырьевыми, людскими, индустриальными и прочими ресурсами (или же за контроль над тем и другим).

В научной литературе по регионализму распространено деление границ на открытые, или мягкие²⁵ (благоприятствующие приграничным контактам и стимулирующие их), и закрытые, или жесткие (играющие роль форпостов, которые защищают Россию от внешних угроз). Границы в Краснодарском и Ставропольском краях, например, из-за обстановки в Чечне и на Северном Кавказе по своему характеру ближе к закрытым, границы же с Украиной, Белоруссией, Казахстаном и Монголией, наоборот, выполняют связующую функцию.

Мне, однако, кажется, что провести четкую линию между этими двумя типами рубежей удастся не всегда, и в этом отношении я не одинок. Л. Вардомский, в частности, выделяет пять типов открытости регионов:

а) центральный тип открытости, присущий субъектам федерации с разнообразными и крупномасштабными внешнеэкономическими связями, сильно диверсифицированные по географическим направлениям и предметному содержанию;

б) приморский (пограничный) тип открытости, для которого характерен высокий удельный вес во внешней торговле соседних стран;

в) открытость проэкспортного типа, связанная с крупными поставками за границу, обеспечивающими значительную часть валютных поступлений в страну;

г) регионы с ограниченной открытостью;

д) регионы-интроверты периферийного типа²⁶.

Внешние границы Приморского края, Калининградской и Псковской областей²⁷ я отношу к смешанному (гибридному) типу открытости, для которого равно характерны как сдерживающая, так и контактная функции. Внешняя среда (АТР, Балтийский регион и Скандинавия) сулит им большие экономические перспективы, но одновременно заставляет думать о защитных функциях (протекционизме).

Этот тезис хорошо иллюстрирует положение Псковской области. С одной стороны, «Псков прочно ассоциируется в русском сознании с бескомпромиссным сопротивлением экспансии Запада на Восток... С другой стороны, Псков всегда был крупнейшим торговым звеном с Европой и в этом смысле играл роль опоры России в Ганзейском Союзе»²⁸. В этой связи перед Псковской областью (равно как и перед Калининградской) стоит проблема поиска оптимального баланса между мягкими и жесткими факторами региональной безопасности.

Однако географическое расположение области позволяет балансировать между альтернативными геоэкономическими стратегиями: первая предполагает сближение со странами Балтии, вто-

рая — с Белоруссией. Нынешний губернатор Е. Михайлов (ЛДПР) склонен поддерживать приоритетные отношения с режимом А. Лукашенко — порой даже в ущерб контактам с прибалтами. В то же время ни один из высокопоставленных лиц Псковской области не сомневается в ее роли «моста», экономически соединяющего Россию с Европой, ибо только на этой основе можно создать новые институты для взаимодействия с зарубежными партнерами, которые способны стратегически предложить Псковщине гораздо больше, нежели федеральный Центр.

Сходная дилемма («рынок или танки») стоит и перед Калининградским эксклавом. Несколько лет назад по этому поводу развернулся заочный диспут между тогдашним вице-премьером С. Шахраем, защищавшим модель «форпоста», и губернатором Ю. Маточкиным, который возражал против возврата области к статусу крупной военной базы²⁹.

Каждый субъект федерации — лишь один из множества элементов формирующегося георегионального ландшафта России. Через Псковщину, например, федеральное правительство способно оказывать экономическое и политическое давление на страны Балтии, обостряя конкуренцию между ними за влияние в зоне Балтийского моря и в приграничных субъектах Российской Федерации. Псков уже пожинает плоды своего специфического расположения на «глобально-региональной» оси координат: под воздействием США Эстония отказалась от территориальных претензий к России вообще, и к Псковской области в частности. Более того, эстонское правительство запустило транспортный проект «Виа Руссика». Создание нефтяного консорциума «Северные ворота» может придать Псковщине особое значение при прокладке новых нефтепроводов. Вместе с тем псковским властям приходится конкурировать с Санкт-Петербургом, лидерство которого во внешней торговле Балтийско-Нордической зоны снижает потенциал и привлекательность Пскова.

Исследователи полагают, что приграничная политика на Северо-Западе России эволюционирует от жестких подходов к мягким, от геополитики к геоэкономике и экологии. В этой связи увеличивается роль неправительственных и негосударственных акторов (в частности финансово-экономических), совершенствуется инфраструктура коммуникаций, усиливается значение трансграничных информационных потоков и т.д.³⁰ Д. Тренин, к примеру, предвидит, что значение Санкт-Петербурга и Калининграда как военных форпостов России будет неизбежно снижаться, а военное измерение безопасности в целом — становиться менее актуальным³¹.

Думаю, что такой идеализирующий ситуацию подход излишне оптимистичен. Изображение будущего трансграничного регионализма в розовых тонах грешит упрощенчеством, а, может быть, даже подменой действительного желаемым. Ряд российских специалистов полагают, что дальнейшее продвижение НАТО на Восток, в частности на территорию бывшего СССР, изменит на Северо-Западе России соотношение между мягкими и жесткими факторами безопасности в пользу последних (если, разумеется, принципиальные разногласия между Москвой и Брюсселем по вопросу о миротворческих операциях сохранятся). Потенциал трансграничного сотрудничества с участием российских территорий заметно снизится и из-за ужесточения рядом стран Восточной Европы своей визовой политики, ибо им придется соблюдать стандарты ЕС.

Геополитика против геоэкономики?

Современные регионы формируются под воздействием геополитических и геоэкономических факторов, у каждого из которых есть собственная логика. Такое расхождение подчеркивает серьезный разрыв между жесткими и мягкими факторами региональной безопасности.

Логика геоэкономики нацеливает на поиск новых видов торговли и инвестиций, она поощряет мобильность капитала «сквозь границы», интеграцию транспортной инфраструктуры, складыва-

ние общего коммуникационного рынка, организацию экологического мониторинга и совместных поисково-спасательных служб³². Некоторые специалисты предвидят даже возникновение «евро-российской бизнес-элиты»³³.

Логика геополитики основана на иных представлениях. Они подталкивают Запад к классическим геополитическим расчетам и комбинациям, которые позволили бы оптимальным образом интегрировать Эстонию, Латвию, Литву в западные структуры (НАТО и ЕС), постаравшись не обострить при этом отношения с Россией, поскольку «балтийский регион — единственное место в Европе, где американско-российская конфронтация все еще реальна»³⁴. В этой связи предлагается, например, синхронно включить в ЕС Эстонию (как наиболее экономически развитую республику) и, возможно, Латвию (выдав ей тем самым поощрительный аванс), а Литву принять в НАТО (во-первых, поскольку она к этому лучше готова, а, во-вторых, потому что, по мнению некоторых американских стратегов, такой шаг вызовет меньшее раздражение у России). Геополитический подход предполагает также распределение ролей между «патронами» (США, странами Западной и Северной Европы, а также Польшей) по отношению к балтийской «троице».

Если сторонники геоэкономического подхода видят в изменившейся обстановке новые перспективы и возможности для Калининградской области, то жесткая геополитическая логика вынуждает бить в набат по поводу того, что «по мере вхождения Польши и стран Балтии в евроатлантические институты ситуация, сложившаяся в Калининграде, будет все более и более аномальной»³⁵. В докладе американского Совета по международным отношениям этот тезис подкреплен двумя аргументами: во-первых, американские эксперты прямо ставят вопрос о расширении самостоятельности Калининградской области от федерального Центра и об изменении ее формального статуса и, во-вторых, рассматривают этот западный эксклав России как «крупнейший центр преступности, транспортировки наркотиков и контрабанды оружия».

Геополитическими соображениями могут быть продиктованы и предложения немецких политиков создать на территории области кондоминиум России, Германии, Польши и Литвы, предоставить немцам право свободно переселяться в бывшую Восточную Пруссию, демилитаризовать Калининградскую область и подключить ЕС к разработке концепции ее развития. Однако игра на геополитических противоречиях открывает перед Россией и некоторый простор для достижения внешнеполитических целей: к примеру, в Москве давно уже говорят, что в укреплении германских позиций в Калининграде не заинтересованы ни Литва, ни Польша.

Если жесткие трактовки исходят из тезиса о том, что «нордическая» (или балтийская) безопасность неотделима от общеевропейской, то мягкие — признают возможность достичь и поддерживать ее на региональном уровне. По мнению Пертти Йонниemi (Копенгагенский институт мирных исследований), императивы безопасности и региональности хотя и сталкиваются, но вполне могут сосуществовать и даже поддерживать друг друга. Естественно, это относится к мягким формам безопасности, нацеленным на сотрудничество, а не на однозначную фиксацию принадлежности территории к тому или иному блоку³⁶.

Мягкая трактовка безопасности созвучна концепции «открытой автономии» известного теоретика мирных исследований Йохана Галтунга; она основана на том, что периферийным территориям, которые хотели бы дистанцироваться от Центра, не следует входить в так называемые структуры доминирования, то есть альянсы, основывающиеся на гегемонии и оказывающие преимущественное влияние на определенной территории³⁷. Жесткие же оценки вполне допускают, что при дальнейшей децентрализации России в регионах вроде Калининградской области «иностранные акторы могут стать единственными нейтральными, легитимными арбитрами в случае межрегиональных коллизий, а также конфликтов между Центром и периферией»³⁸. Действия сепаратистских организаций типа «Невский край» или «Карельская Ассоциация» также вполне соответствуют геополитическим поискам нового хозяина для тех или иных российских территорий.

Особенность геополитического подхода Запада к проблемам Северо-Запада Европы заключается в отношении к России не как к органической части этого региона, а лишь как к объекту политики соседних держав. Эта точка зрения четко представлена в уже упоминавшемся докладе Совета по международным отношениям, в котором перспектива подключения России к балтийско-скандинавскому сотрудничеству оценивается как проблематичная.

Российские же адепты геополитики обычно рассматривают ситуацию в приграничных регионах России под углом зрения проникновения туда спецслужб прибалтийских государств, а также ведущих стран НАТО. По утверждению полковника ФСБ С. Горленко, страны Балтии (особенно Эстония) занимаются на территории Псковской и Ленинградской областей, а также Санкт-Петербурга прежде всего военной разведкой (сбором информации о дислоцировании воздушно-десантных войск, планах боевого применения и тактико-технических характеристиках российских вооружений), созданием агентурной сети для получения сведений о контрабанде оружия и вывозе цветных металлов из России. Аналитики российских спецслужб считают, что перспектива вступления стран Балтии в НАТО приведет к интенсификации такого рода деятельности³⁹. Типичные примеры коллизий на почве геополитического подхода к проблемам безопасности: попытки России оставить за собой тренировочную базу в Палдиски (Эстония) и станцию раннего оповещения в Скундра (Латвия). Научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН И. Аверин озабочен тем, что автономные образования народов финской группы (Мордовия, Марий Эл, Удмуртия и Коми) расширяют контакты со странами, «находящимися в числе геополитических недоброжелателей России. Это Венгрия (член НАТО), Эстония (кандидат в члены НАТО) и Финляндия, где все отчетливее звучат призывы создать «Великую страну Суоми» от Ботнического залива до Енисея»⁴⁰.

Однако во многих случаях геополитический и геоэкономический подходы тесно переплетаются друг с другом. Можно, например, согласиться с В. Михеевым, утверждающим, что в исторической перспективе сохранение Калининградской области в составе РФ «реально только при условии, что и Россия, и ее прибалтийский эксклав будут с одинаковой скоростью интегрироваться в европейскую социально-экономическую и правовую жизнь»⁴¹.

Геоэкономические процессы нередко оценивают с позиций геополитики. Типичный пример — точка зрения К. Воронова: «В российском Калининграде ощущают «тихую» германскую экспансию — инвестируются капиталы в основные отрасли и ее инфраструктуру, скупается недвижимость, расширяется деятельность информационных... и культурно-гуманитарных организаций»⁴².

Геоэкономические проекты могут служить маскировкой геополитическим целям. С точки зрения интересов Норвегии под мягкими формами обеспечения безопасности в рамках Баренц-Евроарктического региона скрыт вполне жесткий фундамент: эти меры снижают угрозы норвежской территории, происходит ускоренная реконверсия военной промышленности в приграничных регионах России и т.д.

Переплетение геополитики с геоэкономикой рождает много парадоксов и противоречий. Так, калининградский губернатор Леонид Горбенко связывает «обшеевропейские процессы» (базирующиеся на экономической логике) с изоляцией в будущем этого российского анклава (по международно-политическим соображениям)⁴³.

Западное влияние на российский регионализм

Насколько велико внешнее, и прежде всего западное, влияние на регионализацию России? По отношению к ней американские и западно-европейские эксперты и политики испытывают растерянность. Только теперь, десять лет спустя после начала перестройки, они впервые пытаются все-

ръем оценить, насколько эффективными оказались программы регионального и межрегионального сотрудничества с участием западных партнеров⁴⁴. Это значит, что все эти годы экспертиза проблем российского регионализма в странах Запада была неудовлетворительной. Имиджевое восприятие ситуации на субнациональном уровне особенно характерно для Соединенных Штатов, где для подтверждения верности курса, избранного Россией при американской поддержке, нуждаются в провинциальном кумире: сначала таковым был Б. Немцов, а затем М. Прусак и К. Титов.

К тому же западные эксперты испытали теоретические затруднения при оценке состояния федеративных отношений в России. Многие из них готовы отказаться от упрощенной трактовки децентрализации власти и управления как синонима демократизации и признать, что центробежные тенденции не принесли видимых положительных сдвигов в социально-экономическом и политическом развитии.

Известный американский политолог Стивен Коэн поставил под сомнение ключевое положение «транзитологии» о том, что Россия движется к построению открытого общества. Доказывая это, многие американские специалисты пали жертвой «детерминистской идеологии триумфализма» и превратились в своего рода адвокатов политики Б. Ельцина. Профессор Стивен Холмс, в частности, отказывается признать федерализмом полуфеодалские отношения между «региональными баронами», большинство из которых время от времени отказываются платить деньги в государственный бюджет, препятствуют вывозу товаров со своей территории, угрожают печатанием собственных денег или даже угрожают взять в свои руки управление ядерными установками⁴⁵.

Лишь сравнительно недавно заговорили о том, что подключение регионов к транснациональным отношениям ставит сложные вопросы о степени демократичности политических процессов. Причем это касается не только России, но и стран Запада. Когда государственные органы власти (национальные и субнациональные) теряют прежние рычаги воздействия на политико-экономические процессы, это может означать ослабление демократической отчетности. Трансрегиональные связи часто находятся во власти «относительно закрытых политических сообществ, обладающих критически важными знаниями и экспертизой»⁴⁶. Опираясь на западные капиталы, они в состоянии приватизировать функции государственных органов власти, которые те не в состоянии выполнять⁴⁷.

Универсальных рецептов решения региональных проблем в мире нет — отчасти потому, что само их включение в политический дискурс начала 90-х годов было своего рода модой, возникшей после окончания холодной войны⁴⁸. Интерпретация регионализма оказалась особенно трудной для США, которые за всю свою историю никогда не сталкивались с наложением этничности на территориальность, или с несовпадением гражданства и национальности, государства и нации⁴⁹.

Сложный, комплексный характер культурных, лингвистических, этнических расколов, существующих в зонах региональных конфликтов, углубляет различия между западным и незападным мирами, нанося удар по концепции глобализации⁵⁰. Методы разрешения такого рода конфликтов, на которых обычно настаивают международные организации, предельно стандартны и в качестве ключевого элемента примирения конфликтующих сторон предполагают быстрое проведение выборов. Как показал опыт Боснии, форма при этом часто берет верх над сущностью, так что порой складывается впечатление, будто сама электоральная процедура служит доказательством успешного международного содействия той или иной территории⁵¹.

Фактическое содействие ЕС (и прежде всего Германии) распаду СФРЮ⁵², а также военная акция НАТО против Югославии (1999 г.) эмпирически подтверждают тот факт, что проблемы регионализма решаются на Западе неадекватно.

Заключение

Многие процессы, разворачивающиеся в современном мире (например, акция НАТО против Косово или зарождение новых моделей трансграничной интеграции), так или иначе связаны с попытками по-новому определить природу и пределы суверенитета. Транснациональный характер современного регионализма ставит принципиальные вопросы об адаптации государственных структур различного уровня к эпохе глобализации и взаимозависимости⁵³. Одновременно эти новые явления подталкивают к переосмыслению многих концепций современных международных отношений.

На современное национальное государство влияют прежде всего два процесса: наднациональная регионализация (по модели ЕС) и субнациональное регионостроительство. Осознание того, что решения, принимаемые важнейшими финансово-экономическими акторами, зависят не столько от национальных правительств, сколько от международных (наднациональных) и местных институтов, породило термин «глокализация»⁵⁴.

В мире по-разному оценивают перспективы снижения значимости государственного суверенитета. В России, к примеру, расширение (и географическое, и функциональное) НАТО встречается гораздо враждебнее, чем расширение ЕС⁵⁵.

Перспективы трансрегиональной интеграции в Европе тоже весьма дискуссионны, поскольку во многом связаны с противоречиями между геополитическими и геоэкономическими соображениями. В западных публикациях последнего времени настойчиво проводится мысль, что конечной целью новых моделей такого сотрудничества должно стать официальное участие международных инстанций в решении внутрироссийских проблем (особенно касающихся Мурманской, Архангельской и Калининградской областей). Наиболее откровенно по этому поводу высказался Грэм Херд: «Запад должен быть максимально полно вовлечен в российскую политику, чтобы заполнить вакуум в области безопасности, образовавшийся в связи с упадком федерального влияния в регионах»⁵⁶.

Вызовы глобализации для России тем острее, что единство экономического пространства РФ очень ослаблено: Дальний Восток ориентируется преимущественно на Азиатско-Тихоокеанский регион, а Северо-Запад ищет пути взаимодействия с Европой. Центр не в состоянии контролировать внешнеполитические действия субъектов федерации и выполнение ими своих обязательств. Многие регионы (к примеру, Татарстан) недовольны экономической политикой центрального правительства. В частности тем, что Москва смотрит сквозь пальцы на то, что фактически прекращен допуск российских товаров на рынки стран Восточной Европы и Прибалтики (они ссылаются на более высокие стандарты, предъявляемые Евросоюзом к ввозимой продукции). Вступление Китая в ВТО может привести к тому, что и Пекин ужесточит требования к торговле с Россией.

Отсутствие на федеральном уровне четких отраслевых приоритетов порождает распыление инвестиций. Между тем Россия не в состоянии производить все: для этого не хватает ресурсов, и наиболее развитые регионы понимают: необходимо уточнить приоритеты экономического развития и сосредоточить усилия на «прорывных» направлениях.

Одна из важнейших для России проблем — скорейшая интеграция в мировое экономическое пространство. До сих пор этот процесс шел преимущественно в форме экспорта сырья, что делает финансовое благополучие государства напрямую зависимым от быстро меняющейся мировой конъюнктуры. Перед Россией может вскоре во весь рост встать дилемма: или приспособляться к мировой экономике, или держаться за амбиции великой державы.

Примечания

¹ Бусыгина И.М. Проблемы современного регионализма применительно к Черноморью // Безопасность России: Черноморский вариант. — М.: Интердиалект, 1997. — С. 44. (Докл. Ин-та Европы. № 37).

² Devetak R., Higgot R. Justice Unbound? Globalization, States and the Transformation of the Social Bond // Intern. Affairs. — Vol. 75. — № 31. — 1999. — P. 483—484.

³ Blake G. H. Globalisation and the Paradox of Enduring National Boundaries // Vanishing Borders: The New International Order of the 21st Century / L.Boon-Thong, B. Tengku Shamsul (eds.) Ashgate: Aldershot; Brookfield; Singapore; Sydney, 1998. — P. 248—249.

⁴ Лебедева Э.В. Национальный вопрос и федерализм // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 7. — С. 62.

⁵ Дахин А.В. Региональная стратификация и территориальная целостность: поиск формулы нового мирового порядка // Сравнительный регионализм: Россия — СНГ — Запад: Материалы международного исследовательского проекта.— Н. Новгород. — 1997. — С. 209—210.

⁶ Hettne B. Globalization and the New Regionalism // Globalism and the New Regionalism: Vol. 1 / H Bjorn., A. Inotai, O. Sunkel (eds.). — London: MacMillan Press Ltd., St.Martin's Press Ltd., 1999. — P. 7—8.

⁷ Актуальные вопросы глобализации: круглый стол «МЭМО» // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 4. — С. 39, 47.

⁸ VanDeveer S., Dabelko G. Redefining Security Around the Baltics: Environmental Issues in Regional Context // Global Governance. — 1999. — № 5.—P. 224.

⁹ Hveem H. Political Regionalism // Globalism and the New Regionalism...:Vol. 1. — P. 90—104.

¹⁰ Дранкина Е. Бросок на Север // Эксперт. — 1999. — 11 окт. — № 38 (202). — С. 30—31.

¹¹ Wiberg U. Op.cit.

¹² Honneland G. Worlds Further Apart? Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // The Barents Region Revisited / G.Flikke (ed.). — 1998. — P. 79 (Norwegian Inst. of Intern. Affairs. Conference Proc.).

¹³ Wiberg U. The Barents Euro-Arctic Region and European Spatial Planning for Sustainable Development // The Barents Region Revisited... P. 54.

¹⁴ Реализация «Северного измерения» в политике Европейского Союза // Евро. — 1999. — № 11. — С. 39.

¹⁵ Cottey A. Introduction // Subregional Cooperation in the New Europe: Building Security, Prosperity and Solidarity from the Barents to the Black Sea / A. Cottey (ed.). — New York: Inst. For EastWest Studies, 1999. — P. 3, 4.

¹⁶ Bailes A. The Role of Subregional Cooperation in Post-Cold War Europe: Integration, Security, Democracy // Subregional Cooperation in the New Europe ... — P. 161.

¹⁷ «Северное измерение» в политике Европейского Союза // Евро. — 1999. — № 11. — С. 41.

¹⁸ Тиммерман Х., Дудникова Т. Задача Европейского Союза и России — не допустить новых разделительных линий // Евро. — 1999. — № 11. — С. 23.

¹⁹ Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. — С. 37.

²⁰ Тренин Д. Балтийский шанс. Страны Балтии, Россия и Запад в складывающейся Большой Европе. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. — С.18.

²¹ Bradshaw M. Going Global: The Political Economy of Oil and Gas Development: Offshore of Sakhalin // Cambridge Rev. of Intern. Affairs. — Summer—Fall 1998. — Vol. XII. — № 1. — P.147—176.

²² Лещуков И. «Северное измерение» ищет координаты целей // Евро. — 1999. — № 11. — С. 31.

- ²³ *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. — М.: Моск. общественный науч. фонд, 1999. — (Научные доклады; № 90).
- ²⁴ *Thompson G.* Introduction: Situating Globalization // ISSJ — 1999. — № 160. — UNESCO. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999.
- ²⁵ *Nicholson M.* Towards a Russia of the Regions // Adelphi Papers. — № 330. — P. 48.
- ²⁶ *Вардомский Л.Б.* Проблемы внешней открытости регионов в контексте развития российской экономики // Внешнеэкономические связи и региональное развитие в России: Материалы семинара. — М.: Эпикон, 1999. — С. 20—21.
- ²⁷ *Alexeev M., Vagin V.* Russian Regions in Expanding Europe: The Pskov Connection // Europe-Asia Studies. — 1999. — Vol.51. — № 1. — P. 43—64.
- ²⁸ *Ibid.* P. 44.
- ²⁹ *Зверев Ю.* Калининградская область России в новой системе геополитических координат // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн.: Кн. 2 Россия, Украина, Белоруссия. / Общ. ред. А. Зверев, Б. Коппитерс, Д. Тренин. — М.: Весь мир, 1997. — С.72—75.
- ³⁰ *Herd G.* Russia's Baltic Policy After the Meltdown // Security Dialogue. — 1999. — Vol.30. — № 2. — P. 202—203.
- ³¹ *Тренин Д.* *Op. cit.* С. 26, 37.
- ³² *Evans P.* The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization // World Politics. — Oct. 1997. — № 50. — P. 62—87.
- ³³ *Herd G.* *Op. cit.* P. 204.
- ³⁴ *Brzezinski Z., Larrabee St.* U.S. Policy Towards Northeastern Europe: Council on Foreign Relations Independent Task Force Report. — Apr. 1999. — P. 4. (см. сайт <http://www.foreignrelations.org/public/pubs/baltics.html>).
- ³⁵ *Ibid.* P. 8.
- ³⁶ *Joenniemi P.* The Barents, Baltic and Nordic Projects: A Comparative Analysis / The Barents Region Revisited... P. 14—21.
- ³⁷ *Korhonen P.* The Geometry of Power. Johan Galtung's Conception of Power // Tampere Peace Research Inst.: Research Report. — 1990. — №. 38. — P. 160—163.
- ³⁸ *Moscow, the Regions and Russia's Foreign Policy / German T. (ed.).* L.: Conflict Studies Research Centre, 1999. — № 103. — P. 47.
- ³⁹ Стенограмма передачи «Совершенно секретно». — НТВ. — 1999. — 4 окт.
- ⁴⁰ *Аверин И.* Великая Суоми стремится к Енисею // Век. — № 39 (354). — 1999.
- ⁴¹ *Мухеев В.* Потенциал вражды versus потенциал сотрудничества // Pro et Contra. — Весна 1998. — Т. 3. — № 2. — С. 65.
- ⁴² *Воронов К.В.* Балтийская политика России: поиск стратегии // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 12. — С. 23.
- ⁴³ К положению в Калининградской области // Национальная электронная библиотека (http://www.nns.ru/analytdoc/ims/1999/sv0102_5.html).
- ⁴⁴ *Stavrakis P., DeBardleben J., Black L.* Beyond the Monolith: The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia. Washington, D.C.: The Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1997. P. 3.
- ⁴⁵ *Cohen St.* Russian Studies Without Russia // Post-Soviet Affairs. — 1999. — № 15. — P. 1.
- ⁴⁶ *Coleman W. D., Underhill G. D.* Introduction. Domestic politics, regional economic co-operation, and global economic integration // Regionalism and Global Economic Integration / W.D. Coleman, G.D. Underhill (eds.). New York: Routledge, 1998. — P. 8.
- ⁴⁷ *Moscow, the Regions and Russia's Foreign Policy / German T. (ed.)* London: Conflict Studies Research Centre, 1999. — № 103. P. 50.

⁴⁸ *Gray C.* Deterrence and Regional Conflicts: Hopes, Fallacies, and “Fixes” // *Comparative Strategy*. — 1998. — № 17. — P. 47.

⁴⁹ *Jeszszky G.* More Bosnias? National and Ethnic Tensions in the Post-Communist World // *East European Quarterly*. — 1997. — Vol. XXXI. — № 3. — P. 287.

⁵⁰ *Blumi I.* The Commodification of Otherness and the Ethnic Unit in the Balkans: How to Think About Albanians // *East European Politics and Societies*. — 1998. — Vol.12. — № 3. — P. 542.

⁵¹ *Bosco D.* Reintegrating Bosnia: A Progress Report // *Washington Quarterly*. — Spring 1998. — P. 78.

⁵² *Caplan R.* The European Community’s Recognition of the New States in Yugoslavia: The Strategic Implications // *J. of Strategic Studies*. — 1998. — Vol.21. — № 3. — P. 24.

⁵³ *Evans P.* The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization // *World Politics*. — Oct. 1997. — № 50. — P. 62–87.

⁵⁴ *Christiansen Th., Joenniemi P., Lindstrom B.* Nationality and Regionality: Constituents of Political Space Around the Baltic Rim // P. Joenniemi. *Neo-Nationalism or Regionality. The Restructuring of Political Space Around the Baltic Rim*. — Copenhagen: Copenhagen Peace Research Inst., 1997. P. 9–25.

⁵⁵ *Moshes A.* Overcoming Unfriendly Stability: Russian-Latvian Relations at the End of 1990s. — CFSP. — 1999

⁵⁶ *Herd G.* Russia’s Systemic Transformation: Trajectories and Dynamics. Copenhagen, 1999. — P. 32–34. (Copenhagen Peace Research Institute: Working Papers, № 26).

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Московский Центр Карнеги создан в 1993 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». В рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, внутренней и внешней политики России, по вопросам безопасности, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Avenue, NW
Washington, DC 20036, USA

Tel.: (202) 483-76-00

Fax: (202) 483-18-40

E-mail: info@ceip.org

<http://www.ceip.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 103009, Москва,
Тверская ул., 16/2

Тел.: (095) 935-8904

Факс: (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

В серии «Рабочие материалы» Московского Центра Карнеги вышли:

Выпуск 1. Афганистан: итоги бесконечной войны. Материалы «круглого стола», посвященного 10-летию вывода войск из Афганистана. Под ред. *Алексея Малашенко*.

Выпуск 2. Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. Под ред. *Галины Витковской* и *Дмитрия Тренина*.

Выпуск 3. *Валентина Моисеенко, Виктор Переведенцев, Наталья Воронина*. Московский регион: миграция и миграционная политика. Под ред. *Галины Витковской*.

Выпуск 4. *Анатолий Розанов*. Белоруссия: векторы внешней политики.

Выпуск 5. *Михаил Дмитриев*. Проблемы социальной защиты населения в Российской Федерации: год после кризиса.

Выпуск 6. *Надежда Ноздрина, Геннадий Стерник*. Рынки жилья и миграция в городах России. Под ред. *Галины Витковской*.

Выпуск 7. *Алан Руссо*. Нетрадиционные угрозы безопасности России и Евразии.